

Русский викторианец

Памяти Д.Е. Фурмана

Борис Межуев

От редакции. *Общественную позицию Д.Фурмана многие ценили и понимали и при его жизни. Она была спокойной и зрелой. Хотя «демократический транзит» сложился для России не лучшим образом, Фурман стремился увидеть перспективу. Об этом - философ и политолог **Борис Межуев**.*

* * *

Пришло печальное сообщение о смерти Дмитрия Фурмана, политолога, религиоведа, публициста, демократа. Последнее слово выглядит как будто лишним в перечне профессиональных характеристик, и вместе с тем оно, наверное, самое главное. В России с уходом Фурмана, разумеется, еще осталось немало публицистов, религиоведов и даже политологов. Но число подлинных демократов теперь сократилось едва ли не до нуля.

В России всегда было немало людей, кто по тем или иным – справедливым или безосновательным – причинам ненавидел действующую власть. Поскольку власть в России как правило была авторитарной, большинство, кто хотел смены власти, часто произносили демократические лозунги. Однако это не означает, что эти люди и вправду хотели демократии, часто они хотели чего-то совсем другого, не обязательно собственного господства, но, скажем, культурной свободы, права свободно читать Кафку и Солженицына, или рыночной экономики, возможности свободно торговать. Всем часто хотелось очень много разного – в списке приоритетов россиян демократия занимала, да и пожалуй занимает не самое первое место.

Фурман был именно демократом. Вся его политическая публицистика перестроечного и постперестроечного периода была посвящена, в сущности, одной цели – как сделать Россию демократическим государством, государством, в котором оппозиция обладает реальным шансом прийти к власти и проводить собственную политику.

Фурман еще в сентябре 1991 года, когда мало кто решался сказать слово против августовских триумфаторов, произнес «*демократия не есть власть демократов*». По его мнению, ставка «демократов» на суверенитет РФ в рамках СССР и последующее провоцирование распада страны обрекли посткоммунистический режим на соскальзывание в сторону авторитаризма. Чем все это кончится, Фурман предсказал сразу после провала ГКЧП: разгоном Верховного Совета, отменой свободных выборов и т.д. Потом он даже получил премию Синявского за самый точный прогноз.

Вообще, это был, конечно, уникальный человек для своего поколения, только такой человек, будучи по мировоззрению стопроцентным либералом и демократом (с некоторым очень слабым уклоном в левизну и без малейшего намека на державный национализм), мог решиться признать, что поддержал бы ГКЧП в 1991, если бы за него встал Горбачев, или заявить в 1995 о том, что военная диктатура под руководством генерала Лебеда могла бы стать лучшей переходной ступенью к демократии (впрочем, потом Фурман признал всю иллюзорность подобных надежд).

Его самостоятельная политическая деятельность была очень недолгой. В 1993 году после расстрела Белого дома на короткое время возникло некое правозащитное антиельцинское движение, ведущую роль в котором играли левые социалисты. Фурман, человек вполне академический и, видимо, кабинетный, оказался одним из лидеров этого движения. Движение просуществовало чуть более полугода, потом часть его членов влилась в «Яблоко», часть ушла еще дальше влево, часть вернулась в свои кабинеты. А потом чеченская война резко изменила весь политический ландшафт, создав новые лагеря и новые узлы размежеваний.

Фурман болезненно ощущал неуклонное движение власти по антидемократической спирали (он так и назовет последнюю книгу «Движение по спирали»): отвергая закон и Конституцию, почти бесплатно раздавая собственность надежным людям, власть теряла раз за разом шанс когда-нибудь перестать быть властью, то

есть шанс сделать демократию в стране реальностью, а не имитацией. При этом он также чувствовал и понимал все внутреннее сопротивление власти собственному авторитарному перерождению, и поэтому он смотрел на весь процесс политической деградации как сочувствующий наблюдатель, а не как пристрастный и ожесточенный противник, что делало его анализ, пожалуй, даже более жестким и безжалостным.

Чем же так была близка Фурману идея демократии? Он сам неоднократно писал об этом в своих теоретических статьях. Фурман полагал, что **демократия – это политическое состояние, характерное для нормальных, взрослых людей**. Точнее для нормальных, взрослых народов, которые вышли из состояния романтической молодости, когда душа тянет к чему-то необычному, харизматическому... Взрослый человек в отличие от романтического подростка не хочет жить при тирании, диктатуре, какими бы мотивами ни руководствовались тираны и диктаторы, как бы они не объясняли, почему при их безраздельной власти жить более счастливо, чем при всяком ином строе. Дмитрию Ефимовичу казалось, что этих аргументов достаточно для выбора демократии, просто при ином строе взрослому и самостоятельному человеку жить стыдно. Думаю, это была точка зрения **подлинного советского викторианца**, такого секулярного протестанта. Кстати, я думаю, интерес Фурмана-религиоведа в советские годы к протестантизму англосаксонского образца был далеко не случаен.

В его политическом творчестве мне, кажется, не хватало только двух вещей, чтобы из кабинетного теоретика превратиться в подлинного властителя дум. Во-первых, даже не наличия национального чувства (в политическом, а не этническом смысле), а признания его политической значимости. Я знаю много других (и ныне здравствующих) советских викторианцев, от Фурмана их отличало одно – они отнюдь не считали свой народ состоящим из нормальных, взрослых людей и оттого они не видели никакой панацеи в демократии. Фурман настаивал на нормальности своего народа еще с 1990 года, когда сторонники разных «железных рук» все время пугали интеллектуальный класс картинами погромов и побоищ. В одной из статей в «Веке XX» в феврале 1990 года Фурман написал, что не надо бояться самих себя, мы – взрослые люди и вполне созрели для взрослого общества. Откровенно говоря, с тем, что мы такие взрослые на самом деле, можно было и поспорить, выдвинув убедительные аргументы в пользу обратного. Но дело не в том, что это так, дело в том, что настоящий викторианец, конечно, **должен** верить в то, что это так. Он должен делать все, чтобы это было так. И руководствуется он при этом не реальным положением вещей (которое само по себе часто прискорбное), а наличием национального чувства. А оно не позволяет викторианцу сказать, мой народ не готов к тому, к чему уже вполне готов лично я.

И еще одно, что мне казалось недоставало Фурману как политическому публицисту. Мне кажется, он был немного **фаталистом**. Эти «круги по спирали» уже в его последних работах предстают как что-то почти неизбежное. Нет, в конце концов, он верил, произойдет сбой механизма, и лозунги демократии вновь перестанут быть только лозунгами, начнется новый раунд «перестройки», а, следовательно, появится шанс на окончательный переход к взрослому обществу (и Фурман не уставал подчеркивать, что мы к нему уже ближе, чем в 1917 году). Но до этих пор получалось, что все как-то идет как идет и вмешаться в этот маятниковый процесс едва ли возможно.

Между тем, в этой неутешительной картине маятникового раскачивания – от революционных идеалов к консервативным с постепенным затуханием посередине, в точке демократического совершеннолетия – вызывает сомнение решительно все. Во-первых, далеко не факт, что весь мир движется к демократии и остановится на ней. Во-вторых, не факт, что мы сегодня ближе к всамделишной демократии, чем наши предки восемьдесят лет назад. Конечно, у нас уже нет в запасе пучка тоталитарных идеологий и индоктринированных ими людей. Но зато начале прошлого века мы имели блестящее созвездие крупных политических либералов и демократов, для которых слова «демократия» и «свобода» реально что-то значили, а у нас вместо всех них, как мы уже говорили, был практически один Дмитрий Фурман. Наконец, в-третьих, ну так ли уж предопределен этот цикл спирали? Если бы все-таки очнулись от интеллектуального обморока, вот именно сейчас, и начали реально думать о том, как начать по-взрослому жить во взрослом

обществе (Не ожидая, что взрослое состояние – это немедленное райское блаженство, но и не соглашаясь терпеть все мерзости как несмываемое родовое проклятие), может быть, нам удалось многое поменять в лучшую сторону и причем довольно быстро и бескровно.

И вот если бы возник в стране не только Институт переходной экономики имени Гайдара, но также Институт переходной политики имени Фурмана, и собралось бы там десять человек, способных говорить на те темы, которые он поднимал и говорить на его уровне политической честности, может быть тогда после двадцатилетия наших разнообразных переходов мы наконец и перешли к чему-нибудь окончательному.

02.08.11 14:32